
Упало солнце за селом,
Где я чужой, где я - пришелец,
Где старый дом молчит, ощерясь,
Пропахший полусонным злом.
Я этот сруб ласкал рукой,
А он в ладонь втыкал занозы
И провожал меня, несносен,
Словцом, похожим на укол.
В осеннюю слепую гнусь
Я уезжал, почти что плача..
Вослед мне дом желал удачи
И ждал, когда же я вернусь.

Речка Молохта

Молохта моя - длинная, как день с утра,
Быстрая, как дыхание на бегу,
Холодная, как последняя из утрат,
Что ещё вспомнить могу?

В твоих бочагах вздыхают сомы,
Твои кувшинки - следы от солнечных лап.
Не от сумы спасаюсь, не от тюрьмы, -
От поздней печали, в которой я тих и слаб.
По этому берегу бегал мой огненный пёс,
И я (нынче странно это) за ним попевал,
Всплески и блики ловил он, цветы и стрекоз.
Вспомню - и наповал!
Облака над рекой, неспешные овны,
И солнце за ними - мой рыжий, мой золотой...
А сердце стучит так же неровно,
Как эти стихи - задыхающейся строкой.

В забытом доме лесника
Остались только пёс и кошка.
Сидят и смотрят на дорожку.
Их жизнь - трудна, судьба - легка.
Пёс очень стар, почти что слеп,
Он ходит мало и неловко,
И кошка делится полёвкой,
А то и птицей - тоже хлеб.
Порой приходит человек,
Чужой, неправильный, но добрый,
Приносит лакомства, и долго
Сидит, не поднимая век.

День откатился и пропал.
Не видно маленькую стаю.
И понемногу зарастает
Туда ведущая тропа.

Радистка Шура

У моей соседки тёти Шуры
На мешок похожая фигура,

Две козы и зуба вроде три,
Пять сынов раскиданы по свету,
Но от них вестей давненько «нету»,
Как ты на дорогу ни смотри.
А на праздник Шура надевает
Две медали и бредёт по краю
Старого безлюдного села.
Солнышко гуляет медным диском...
На войне она была радисткой,
Но уже не помнит кем была.
Пусть на Шуре кофта наизнанку,
Но зато она поёт «Смуглянку»,
В ноты попадая через раз.
Говорит мне: «Выпьём самогонки!»
Старый голос, непривычно звонкий.
И в слезах морщины возле глаз.

Венка

Занюхивая одуванчиком,
Мы помянули нынче Венку.
И серые волосья венчиком,
Штанишки с дыркой на коленке,
И речь его полупонятную,
И пляски в нашей вечной луже...
Его куфайки клочья ватные
И плач, что никому не нужен.
Валился с одного фанфурика
В пространства сныти и крапивы,
А поутру катился дуриком
И клянчил на бутылку пива.
Так где ж следы его недолгого,
Почти бессмысленного века?
А просто был добрее доброго,
Чего ж не вспомнить человека.

Там, где улица моя деревенская
Поворачивает круто на юг,
Разлилась тоска такая вселенская -
Даже птицы от неё не поют.
Петухи молчат, как будто зарезаны,
У соседа сдохла бензопила...
Нынче улица скупая и трезвая,
Никогда она такой не была.
Наши псы сегодня злы и взъерошены,
Только нюхают парок от земли.
Дай нам, Боже, хоть чего-то хорошего...
А по небу - облака, корабли...

В том доме, где погашен свет
И выбито стекло,
Хозяйки нет, и кошки нет,
И воздух унесло.
Где был когда-то сонный сад -
Одни сухие пни.
И только листья там горят,
Былые сны и дни.
Обходят люди за версту...
Но просто, без затей,
Влетает птица в пустоту -
Кормить своих детей.

Самолёты

Осенний сад в предчувствии мороза,
Слетают с веток сны и самолёты,
Идёт сосед, до ужаса тверёзый,
Весь в телогрейке и зелёных ботах,
В руке бутылку мутного несёт.
Мои ворота он зовёт вратами,

Он философ, с таким вот удареньем,
Он знает, что Земля полна врагами,
Но любит пойло заедать вареньем,
Мне оставляя пряный тёмный мёд.

А самолёты, жёлтые как листья,
Спешат, озорничают не по-детски,
Пути их мглисты, и хвосты их лисьи,
И не успеешь охнуть и взглядеться,
Как сгинут в лужах, в сырости и тьме.
Сосед нальёт: «Давай помянем ,что ли,
Короткое, но яблочное лето...».
Я задохнусь от боли, и в неволе,
Пробитое стрелой самолёта,
Споткнётся сердце, неподвластно мне.

Пространство неспешного сада
Светло и беспечно,
В саду этом думать не надо
О грешном и вечном.
А нужно любовно касаться
Деревьев и речи,
И может на миг показаться,
Что мир безупречен.
Как будто бы вспомнило тело
О детском и важном,
Как будто бы жизнь пролетела
Легко и отважно.

Жимолость

Ты свои снега под ноги мягче кинь...
Через голосящие ветра
Тянет фиолетовые пальчики
Жимолость, застывшая вчера.

Вот как в этой жизни всё заверчено -
И весна, и жимолость, и мы.
Так бывает: слабое, но вечное
Выживает посреди зимы!

Яблоня

В безумном мире есть одна забота:
Болеет яблоня, и стонет при ветрах.
Кору теряет. Стынет у забора,
Но яблоки лелеет на ветвях.

Перезимует? Ствол измазан глиной,
Ломает ветки непосильный груз,
Зима пребудет яростной и длинной,
И потому тревожна эта грусть.

Грибов и яблок - столько не бывает!
Старухи каркают о бедах и войне...
Но яблоня моя стоит живая,
Дай Бог, она проснётся по весне.

От моей судьбы цветастой
Не осталось даже дыма.
Как по миру ты ни шастай,
Но пора прибиться к дому,
Чтобы тлела у забора
Бузина неопалима,
Чтобы пели птицы хором
Непонятное другому...